

Сэмюэл Грирсон

Филимонов Сергей Геннадьевич

Сергей Филимонов Сэмюэл Грирсон

<https://litres.ru/74231902>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Гринвуде мистер Фром много лет записывал имена новорождённых в большую чёрную книгу.

Никто не знал, откуда взялся этот обычай, почему старик никогда не пропускает ни одного дома и что случится, если однажды записи не будет.

«Сэмюэл Грирсон» — рассказ о памяти, забвении и хрупком праве человека быть частью мира.

Сергей Филимонов

Сэмюэл Грирсон

Сэмюэл Грирсон

В нашем городке его звали мистер Фром, хотя настоящее его имя, как выяснилось много позже, было длиннее и труднее. Он сам стёр из него всё лишнее, оставив только то, что помещалось на почтовом ящике и легко произносилось человеком, разбуженным среди ночи.

Мистер Фром появился в Гринвуде ещё до моего рождения — так утверждала бабушка, а бабушкам в таких делах положено верить. С тех пор он ходил по улицам с чёрным кожаным портфелем, застёгнутым на латунную застёжку.

Работа у мистера Фрома была простая и скучная, вроде работы почтальона или сборщика налогов: он записывал имена новорождённых. Раз в несколько дней, а иногда и дважды за сутки, он появлялся на пороге дома, где недавно родился ребёнок, снимал шляпу и кланялся матери. Отцов он приветствовал только кивком, словно в деле, ради которого пришёл, им отводилась почётная, но всё-таки второстепенная роль.

Из портфеля мистер Фром доставал толстую книгу в чёрном переплёте с обрезом цвета старого мёда. Затем вынимал короткую перьевую ручку в серебряном корпусе, открывал

книгу на нужной странице и спрашивал:

— Как назвали?

Ему говорили имя. Он записывал его медленно, выводя каждую букву отдельно, потом дул на строчку, закрывал книгу и благодарил хозяев. Это называлось у нас городской переписью, хотя ни в одном распоряжении Гринвуда такой должности не существовало. Просто так было заведено — как полуденный колокол, закрытая по воскресеньям почта и флаги на крыльце мэрии перед днём памяти.

Я был мальчишкой лет семи, когда впервые заговорил с мистером Фромом. Он шёл мимо нашего забора, а я сидел на верхней перекладине и болтал ногами над кустами сирени.

— Мистер Фром, зачем вы записываете имена? Их же и так все знают.

Он остановился. Слегка поклонился, хотя перед мальчишкой на заборе этого не требовали никакие правила приличия, и посмотрел на меня внимательно.

— Затем, чтобы никто не забылся, сынок.

— Как это — забылся? — я нахмурился.

— Ну вот ты помнишь, как звали твоего прадеда?

Я задумался. Помнил, что прадед был плотником, но имя вылетело.

— Не помню, — признался я.

— Вот видишь, — он поднял портфель. — А у меня записано. Значит, он ещё здесь, пока я помню.

Тогда я особо ни о чем не задумывался и быстро потерял

к разговору интерес. Только много лет спустя я вспомнил его ответ дословно и понял: старик не любил пугать детей, поэтому сказал мне правду в такой форме, в какой ребёнок мог принять её за назидание.

Гринвуд был небольшим городком на равнине, вытянувшимся на несколько улиц вдоль железной дороги. Водонапорная башня здесь казалась выше церковного шпиля, а элеватор у железной дороги — значительнее здания окружного суда. Каждую весну город пах сырой древесиной и навозом: жители одновременно чинили заборы, выводили скот и приводили в порядок вывески.

Люди в Гринвуде обладали необыкновенной памятью на вещи, не имевшие значения. Они помнили дату первого снега в тысяча девятьсот двенадцатом году, победителя ярмарки по свиноводству и каждое слово проповеди, после которой преподобный Уиллетс мог охрипнуть на две недели. Но стоило спросить о человеке, давно не появлявшемся на главной улице, и уверенность покидала их. Лицо ещё казалось знакомым, поступки вспоминались обрывками, а имя исчезало первым.

Первой такой потерей, которую я заметил, была Мэрилин Слоу.

Она пришла к нам в класс осенью тысяча девятьсот тридцать первого года с запиской из городского приюта. На зиму её определили к вдове Слоу, жившей за бойней, и пото-

му девочка получила эту фамилию, хотя, кажется, никакого родства между ними не было. Мэрилин сидела за соседней партой, носила две тугие косички и приносила в школу засушенных бабочек в спичечных коробках. На крышках она писала названия: «капустница», «траурница», «махаон». Я подозревал, что половину названий она выдумала, но спорить не решался — Мэрилин произносила их так уверенно, что рядом с ней даже дохлая моль выглядела редким научным экземпляром.

Весной вдова Слоу слегла, и девочку забрали обратно в приют. В последний школьный день Мэрилин подарила мне коробку с маленькой голубой бабочкой. На крышке было написано: «Голубянка. Не трогать крылья». Я спрятал коробку в карман, пообещал не открывать. Однако я не сдержал обещание уже на следующей перемене.

Через неделю после её отъезда я разглядывал групповую фотографию, сделанную в начале мая. Мэрилин стояла в заднем ряду, третья слева, однако мать почему-то не подписала её на обороте.

— А эту девочку почему пропустила? — спросил я. — Мэрилин, третья слева.

Мать долго вглядывалась в девочку с косичками.

— Какая Мэрилин?

— Слоу. Она жила у вдовы за бойней.

— У миссис Слоу никогда не было детей.

— Она из приюта.

Мать перевернула фотографию. На обороте она подписала всех учеников по рядам, слева направо. Между «Джоан Смолл» и «Артур Пиви» оставался крохотный промежуток, в который могло поместиться ещё одно имя.

— Наверное, приезжая девочка, — сказала мать. — Встала с вами для снимка.

На следующий день я спросил учительницу. Та взяла школьный журнал. Имя Мэрилин Слоу там значилось, рядом стояли отметки за диктанты и арифметику, но учительница решила, что запись относится к ученице, которая была ещё до начала занятий.

— Я бы её помнила, — повторила она несколько раз и наконец рассердилась, словно моё упрямство обвиняло её в небрежности.

Я не стал больше спорить. В девять лет взрослого невозможно убедить документом, если документ противоречит его памяти. Вечером я сам вписал имя Мэрилин на обороте фотографии. Мать увидела и велела не портить снимок выдумками. Я не стёр надпись.

Коробка с голубяшкой хранилась у меня много лет. Бабочка рассыпалась в пыль, когда мне было уже за сорок, а имя на картонной крышке осталось. Каждый раз, открывая письменный стол, я видел эти две буквы — «М. С.» — и испытывал странное облегчение: значит, хотя бы одному предмету в Гринвуде не удалось убедить себя, что девочки никогда не существовало.

В двадцать шесть лет я вернулся в Гринвуд после нескольких лет учительства в центральном округе и женился на Кэтрин Белл, дочери владельца скобяной лавки. Мы поселились на Ореховой улице, недалеко от забора, с которого я когда-то задавал вопросы мистеру Фрому.

Кэтрин первой заметила, что за прошедшие годы мистер Фром не постарел ни на день. У неё была цепкая память на лица и редкая неспособность принимать необъяснимое молча.

— Он выглядит точно так же, как на фотографии твоей бабушки, — сказала она однажды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.